

О. Э. Мандельштам

Собрание стихотворений

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-1
ББК 84-5

О. Э. Мандельштам

Собрание стихотворений / О. Э. Мандельштам – М.: Книга по Требованию, 2011. – 212 с.

ISBN 978-5-458-04078-5

Поэзия Осипа Мандельштама принадлежит классике русской культуры Серебряного века. "Артистом" назвал Осипа Мандельштама Александр Блок. "Чары" и "магия" - вот слова, которыми определяет Марина Цветаева искусство поэта. О "художественной гармонии" Осипа Мандельштама говорит Анна Ахматова, видя в нем "трагическую фигуру редкостного поэта, который и в годы воронежской ссылки продолжал писать вещи неизреченной красоты и мощи...". По словам Георгия Иванова, "...Мандельштам - один из чудеснейших поэтов нашей эпохи... Его чудесный талант, его огромное врожденное мастерство были не в его власти, а во власти той стихии музыки, образов, ритмов и слов, которой он дышал".

ISBN 978-5-458-04078-5

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Мандельштам Осип
Собрание стихотворений

Осип Мандельштам
Собрание стихотворений
Из комментария к изданию 1990 г.

Первые стихотворные публикации Мандельштама появились в 1907 г. в журнале Тенишевского коммерческого училища "Пробужденная мысль", но подлинный литературный дебют состоялся в августе 1910 г. в девятом номере журнала "Аполлон", где была напечатана подборка из пяти стихотворений.

При жизни Мандельштама вышло шесть его поэтических книг: три издания "Камня" (1913, 1916 и 1923), "Tristia" (1922), "Вторая книга" (1923) и "Стихотворения" (1928). В 1931 -- 1932 гг. поэт заключил договоры на сборники "Избранное" и "Новые стихи", а также на двухтомное собрание сочинений, но эти издания не состоялись.

Первое в СССР посмертное издание стихов Мандельштама было анонсировано в 1958, но вышло только в 1973 г. -- Мандельштам О. Стихотворения (Библиотека поэта. Большая серия). Л., Советский писатель, 1973 (переизд. в 1974, 1978 и 1979 гг.). О намерении издать двухтомник О. Мандельштама в "Художественной литературе" свидетельствует копия письма председателя Комиссии по литературному наследию О. Э. Мандельштама К. М. Симонова директору изд-ва А. Косолапову от 5 июня 1968 г. (архив И. М. Семенко). Издание не состоялось.

В настоящем издании впервые в СССР предпринята попытка собрать в одной книге все поэтическое наследие Мандельштама, включая стихи для детей и шуточные стихи. В Приложениях собраны разные редакции и наброски, а также экспромты, отрывки или строки из уничтоженных или утерянных стихов. Принципы композиции и текстологии, принятые в издании, раскрываются в преамбулах к комментариям к каждому разделу, все исключения оговариваются. Особенности авторской орфографии максимально сохранены. В отношении пунктуации применен дифференцированный подход, позволяющий сочетать адекватность передачи смысла с современными нормами правописания и явными особенностями авторской пунктуации (Мандельштам, как известно, пренебрегал знаками препинания и правилами их расстановки, исходя исключительно из мелодики стиха, нередко он диктовал свои стихи жене или другим лицам, не вмешиваясь в пунктуацию при авторизации текстов). Нумерация строф, часто встречающаяся в автографах и прижизненных публикациях Мандельштама, не приводится.

Под стихами проставлены даты написания, через запятую -- даты их авторской переработки. Косвенные датировки даются в угловых скобках, предположительные -- со знаком вопроса в круглых скобках. Переводы иностранных слов в текстах даются под строкой (исключения отмечены в комментариях). Текст, зачеркнутый автором, дается в квадратных скобках, а неавторский текст -- в угловых.

(...)

Из предисловия к изданию 1993 г.

(...) Мы не только восполняем некоторые лакуны, но и вносим ряд уточнений в тексты издания, являющегося для нас базовым: Осип Мандельштам. Сочинения в двух томах. Сост. С. С. Аверинцева и П. М. Нерлера. М. Художественная литература, 1990.

(...)

Особенности авторской орфографии и пунктуации, по возможности, учтены.

(...) Длинные отточия означают обрыв текста в источнике.

(...)

П. Нерлер, А. Никитаев

Камень

х х х

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...
1908

х х х

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.
О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!
1908

х х х

Из полутемной залы, вдруг,
Ты выскользнула в легкой шали -
Мы никому не помешали,
Мы не будили спящих слуг...
1908

х х х

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять.
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать.
Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю,
Оттого, что иной не видал.
Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.
1908

х х х

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,

От мира целого
Ты далека,
И все твоё -
От неизбежного.
От неизбежного
Твоя печаль,
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей.
Декабрь? 1909

х х х

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.
Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко,-
Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.
Апрель? 1909

х х х

Есть целомудренные чары -
Высокий лад, глубокий мир,
Далеко от эфирных лир
Мной установленные лары.
У тщательно обмытых ниш
В часы внимательных закатов
Я слушаю моих пенатов
Всегда восторженную тишь.
Какой игрушечный удел,
Какие робкие законы
Приказывает торс точеный
И холод этих хрупких тел!
Иных богов не надо славить:
Они как равные с тобой,
И, осторожною рукой,
Позволено их переставить.
1909

х х х

Дано мне тело -- что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?
Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.
Пускай мгновения стекает муть -
Узора милого не зачеркнуть.
1909

х х х

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.
Вся комната напоена
Истомой -- сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.
Немного красного вина,
Немного солнечного мая -
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.
Май? 1909

х х х

На перламутровый челнок
Натягивая шелка нити,
О пальцы гибкие, начните
Очаровательный урок!
Приливы и отливы рук...
Однообразные движенья...
Ты заклинаешь, без сомненья,
Какой-то солнечный испуг,
Когда широкая ладонь,
Как раковина, пламенея,
То гаснет, к теням тяготея,
То в розовый уйдет огонь!..
16 ноября 1911

х х х

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:
Ничему не хочет научить,

Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.
Декабрь 1909, Гейдельберг

х х х

Когда удар с ударами встречается
И надо мною роковой,
Неутомимый маятник качается
И хочет быть моей судьбой,
Торопится, и грубо остановится,
И упадет веретено -
И невозможно встретиться, условиться,
И уклониться не дано.
Узоры острые переплетаются,
И все быстрее и быстрее,
Отравленные дротики взвиваются
В руках отважных дикарей...
1910, 1927

х х х

Медлительнее снежный улей,
Прозрачнее окна хрусталь,
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стуле.
Ткань, опьяненная собой,
Изнеженная лаской света,
Она испытывает лето,
Как бы не тронута зимой;
И, если в ледяных алмазах
Струится вечности мороз,
Здесь -- трепетание стрекоз
Быстроживущих, синеглазых.
1910

Silentium

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.
Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день.
И пены бледная сирень
В черно-лазореваем сосуде.
Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!
Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,

И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!
1910, 1935

1 Молчание (лат.)

х х х

Слух чуткий парус напрягает,
Расширенный пустеет взор,
И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.
Я так же беден, как природа,
И так же прост, как небеса,
И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса.
Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;
Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, пустота!
1910, 1922(?)

х х х

Как тень внезапных облаков,
Морская гостья налетела
И, проскользнув, прошелестела
Смущенных мимо берегов.
Огромный парус строго реет;
Смертельно-бледная волна
Отпрянула -- и вновь она
Коснуться берега не смеет;
И лодка, волнами шурша,
Как листьями...

Не позднее 5 августа 1910, 1927

х х х

Из омута злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша,-
И страстно, и томно, и ласково
Запретною жизнью дыша.
И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют,
Приветственным шелестом встреченный
Коротких осенних минут.
Я счастлив жестокой обидою,
И в жизни, похожей на сон,
Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблен.
Осень 1910, 1927

х х х

В огромном омуте прозрачно и темно,
И томное окно белеет.

А сердце -- отчего так медленно оно
И так упорно тяжелеет?
То всею тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милом иле,
То, как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает без усилий.
С притворной нежностью у изголовья стой
И сам себя всю жизнь баюкай;
Как небылицею, своей томись тоской
И ласков будь с надменной скукой.

1910

х х х

Душный сумрак кроет ложе,
Напряженно дышит грудь...
Может, мне всего дороже
Тонкий крест и тайный путь.

1910

х х х

Как кони медленно ступают,
Как мало в фонарях огня!
Чужие люди, верно, знают,
Куда везут они меня.
А я вверяюсь их заботе,
Мне холодно, я спать хочу;
Подбросило на повороте
Навстречу звездному лучу.
Горячей головы качанье,
И нежный лед руки чужой,
И темных елей очертанья,
Еще невиданные мной.

1911

х х х

Скудный луч холодной мерою
Сеет свет в сыром лесу.
Я печаль, как птицу серую,
В сердце медленно несу.
Что мне делать с птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
С колокольни отуманенной
Кто-то снял колокола.
И стоит осиротелая
И немая вышина,
Как пустая башня белая,
Где туман и тишина...
Утро, нежностью бездонное,
Полуявь и полусон -
Забывье неутоленное -

Дум туманный перезвон...

1911

х х х

Воздух пасмурный влажен и гулок;
Хорошо и не страшно в лесу.
Легкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу.
И опять к равнодушной отчизне
Дикой уткой взовется упрек,-
Я участвую в сумрачной жизни,
Где один к одному одинок!
Выстрел грянул. Над озером сонным
Крылья уток теперь тяжелы.
И двойным бытием отраженным
Одурманены сосен стволы.
Небо тусклое с отсветом странным -
Мировая туманная боль -
О, позволь мне быть также туманным
И тебя не любить мне позволь.

1911, 28 августа 1935

х х х

Сегодня дурной день,
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень -
Мрачней гробовых плит.
Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.
Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть
И яростный гимн грянь -
Бунтующих тайн медь!
О, маятник душ строг,
Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь к нам...

1911

х х х

Смутно-дышащими листьями
Черный ветер шелестит,
И трепещущая ласточка
В темном небе круг чертит.
Тихо спорят в сердце ласковом
Умирающем моем
Наступающие сумерки
С догорающим лучом.